

Кая Борковска

Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

БРАННАЯ ЛЕКСИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

У представителей авангардной поэзии первых десятилетий XX в. была ясно определённая цель: порвать с традицией в искусстве, принимая меры как можно резче, грубее, наглее. Активное противостояние устойчивым литературным правилам являлось делом чести и вопросом репутации. Их риторика – агрессивная, бескомпромиссная – была направлена на то, чтобы целиком вытеснить устарелые формы русской лирики и в итоге полностью изменить её облик. Образным примером является хотя бы манифест кубофутуристов 1912 года, появившийся в предисловии к их первому сборнику стихотворений (где, кстати, дебютировал Маяковский) под названием Пошщина общественному вкусу (Маяковский и др. 1912). Поэты объединялись в различные поэтические общества, среди которых, в определенный период, наибольшей популярностью пользовались футуристы и производные от них группы, принявшие название эгофутуризм и кубофутуризм, а также имажинисты. В поисках средств экспрессии, отвечающих выразительностью их идейной программе, они обращались к сферам языка, которые до того времени оставались табу. С целью шокирования публики представители авангардного искусства взяли на вооружение русский мат. Один из ведущих представителей эпохи Серебряного века, Сергей Есенин следующим образом объяснял применение данного приёма в лирическом творчестве:

Я втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смело произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе (Есенин 1979: 204).

Поэт намекает на то, что слово не обладает определённой окраской само по себе, а приобретает её только путём восприятия и растолкования. Сказанное заставляет полагать, что, слово есть необработанный материал, которому придаёт значение реципиент.

Использование нецензурной лексики было практикой особенно популярной среди имажинистов и футуристов, которые в поисках новой формы неоднократно обращались к провокационной лексике.

В данном контексте важнейшим событием, повлиявшим на авангардную литературу стала встреча С. Есенина с В. Маяковским в первой половине 20-х годов XX в. О. А. Лекманов и М. И. Свердлов пишут о «своеобразном поэтическом состязании – кто скажет резче, смелее, неприличнее» (Лекманов, Свердлов 2011: 239). Их соперничество воздействовало на них обоих с особой силой. При каждой встрече поэтов чувствовалось огромное напряжение, столкновение личностей, обладающих необычной харизмой, что производило будто электрическую энергию (Лекманов, Свердлов 2011: 287). Несмотря на множество ехидных шуток в адрес друг другу, стычки на литературных диспутах и постоянные попытки доказать своё преимущество перед соперником, поэты искренне уважали друг друга. А. Козловский утверждает, что:

(...) в пору своего содружества с имажинистами Есенин не скрывал ни своего уважения, ни своего интереса к творчеству В. В. Маяковского (...) по мере ослабления связей Есенина с имажинистами всё явственнее проявлялась его тяга к В. В. Маяковскому (Козловский 1986: 21).

Маяковский также ценил Есенина как поэта. Припомним его слова об имажинистах, о которых он в свое время высказался следующим образом: «Из всех них останется лишь Есенин» (Маяковский 1961: 217), и как отмечает А. Козловский: «Со своей стороны и В. В. Маяковский никогда не отрицал большого дарования Есенина» (Арутчевая и другие 1961: 217).

Дефиниция бранной лексики неоднозначна. Мемуаристы тех времён неоднократно отмечают ситуации, когда во время «премьер» новых произведений, публика, затаив дыхание, выслушивала похабные фразы. Тем не менее, волна возмущения подымалась только тогда, когда произносилось заведомо матерное слово. Это наглядно показывает, какой неустойчивой предстаёт граница постижения лексемы с точки зрения категории приличности.

Именно поэтому мы решили классифицировать ненормативную лексику. Поскольку несложно группировать слова по разным, прежде всего грамматическим, признакам, постольку в случае стилистических средств, и, прежде всего, бранной лексики дело становится более затруднительным. Эта сложность заключается в отсутствии жёстких правил, согласно которым можно решить, является ли данное слово матерным, или нет; посчитаем мы его обсценным, или всего лишь просторечным, но не оскорбительным. Отсутствие этих правил обосновывается постоянно передвигающейся границей табу, которая определяется обществом в данную эпоху. Язык – живое явление, и «неустойчивость» норм употребления бранной лексики – яркое тому доказательство.

В связи с этим возникает потребность актуализировать информацию, содержащуюся в работах трактующих о русском мате. Прекрасно понимал это выдающийся филолог-славист и переводчик Валерий Мокиенко, который на рубеже веков, не чураясь колкой иронии, высказался на эту тему следующим образом:

Типично, что, имея на родине столь громадные запасы такого ценного «сырья», как русская матерщина, русские лингвисты и лексикографы до сих пор не предложили читателям его квалифицированной переработки. Казалось бы, раз непечатное слово стало печатным, то и филологическая наука и практика могут идти в ногу с этим процессом. Увы, для отечественной славистики это пока не так (Шарифуллин 2000: 108).

Три года спустя, вместе с другим известным специалистом в области ненормативной лексики Татьяной Никитиной, Мокиенко публикует *Словарь русской брани (Матизмы, обценнизмы, эвфемизмы)* (Никитина, Мокиенко 2003), что внесло заметный вклад в разработку данной области лингвистики. Нельзя обойти вниманием и другой словарь, а скорее многотомное издание. Речь идёт о *Материалах к словарю русского мата* Алексея Плуцер-Сарно. Масштабы труда Плуцера-Сарно впечатлительные: собранные им материалы планируется издать в тринадцати томах. Пока в печати появились только два первых тома (Плуцер-Сарно 2000, 2005).

Между тем, Анастасия Пачина в своей статье *Лексический аспект понятия «оскорбление»: к вопросу о средствах языкового выражения оскорбления*, затрагивает вопрос классифицирования вульгаризмов. Учёная обращает внимание на отсутствие единой категоризации русских вульгаризмов:

Ещё одна проблема состоит в смешении исследователями терминов: одни учёные используют бранную, обценную, нецензурную и ненормативную лексику как синонимы, другие – разграничивают эти понятия. При этом принципы, лежащие в основе такого обобщения/разграничения, не ясны (Пачина 2015: 142).

Мы предлагаем индивидуальный подход к классификации ненормативной лексики. Выделяя определённые группы (в некоторой степени, основанные на предлагаемом упоминаемыми учёными делении таких слов), мы опирались на примерах заимствованных из произведений двух поэтов Серебряного века – Сергея Есенина и Владимира Маяковского, публикующихся в 20-е и 30-е годы XX в.

Выделенные нами группы, относятся к разным лирическим картинам, свойственным рассматриваемому поэтическому творчеству и представляют собой разные степени вульгарности.

К первой группе относятся обценные выражения, которые послужили созданию скверных образов, не являющиеся, однако, типичными вульгаризмами. Дефиниция обценности нестойкая и в большой степени опирается на

чутьё реципиента. Хотелось бы обратить внимание, что преобладающее количество матерных слов и инвектив являются обценными словами, однако обценные выражения далеко не всегда определяется как матерщина. Множество выражений приобрело окраску скверности, не прибегая к матерной лексике.

Для чёткого представления можно выделить их два разряда, первый из которых направлен на открытие скрытого. Это слова, касающиеся всего, что в культуре табуировано для сохранения интимности. Они принадлежат к пласту речи, отведённому к тем явлениям человеческой жизни, которые, согласно принятым обществом законам, умалчиваются. Такими выражениями переполнены стихотворения Есенина, относящиеся к «зрелому» периоду, то есть после 1920 года. Достаточно привести некоторые отрывки из стихотворения *Сорокоуст* (Есенин 1979, все отрывки стихотворений С. Есенина приводятся по данному изданию):

Вы, любители песенных блох
Не хотите ль пососать у мерина?

Или:

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль – знай бери.

Обценизмы не чужды и Маяковскому:

Всех пешеходов морда дождя обсосала,
а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет;

(Маяковский 2014)¹

Ко второму разряду обценных выражений можно отнести лексические единицы с пренебрежительной окраской, не являющиеся, тем не менее, прямыми инвективами. Цель употребления таких слов – оскорбление, а нередко и унижение объекта описания. Такие слова зачастую примыкают к грубо-просторечной лексике. Ср.:

Пусть целует она другого
Молодая, красивая дрянь.

(С. Есенин, Сыпь, гармоника, скука...)

Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.

(В. Маяковский, Юбилейное)

¹ Все отрывки стихотворений В. Маяковского приводятся по данному изданию.

Оба выражения ориентированы на указание описываемого объекта в плохом свете, однако избегая непосредственного обращения.

Вторая группа включает слова, которые можно назвать натуралистами. Это выражения, с помощью которых в поэзии раскрываются, спощадные по своей истине образы «суровой действительности». Настоящая группа слов напрямую перекликается с первой, т.е. с обценной лексикой. Такие определения иногда могут показаться похабными, так как в них отражены все те свойства, которые способны выразить низменность описываемого объекта или лирической картины:

Со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец считает
червончики.
(В. Маяковский, Взятчики)

Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою
(С. Есенин, Чёрный человек)

Употребление таких слов преследует две основные цели: либо вызвать отвращение, либо создать лирическую картину, написанную грубыми красками и лишённую тактичности. Причиной применения натуралистических описаний чаще всего является особое психическое состояние, а именно: ощущение шаткости мира, глубокое разочарование чем-либо кем-нибудь, потеря надежды на лучшее будущее. Многочисленные лирические моменты крайне динамичны, пропитаны энергией их создателя. Как у Есенина, так и у Маяковского мы находим довольно большое количество того типа вульгаризмов:

Злые рты
как с протухшею пищей кошли
зловонно рыгают бесстыдной ложью
(С. Есенин, Пугачёв)

Если он приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напевае Северянина!
(В. Маяковский, Вам)

Да! Есть горькая правда земли
Подсмотрел я ребяческим оком:

Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком

(С. Есенин, Пой же, пой. На проклятой гитаре...)

Лижет ногу,
 лижет руку,
лижет в пояс,
 лижет ниже, –
как кутенок
 лижет
 суку,
как котенок
 кошку лижет.

(В. Маяковский, Подлиза)

В состав третьей группы входят выражения с самым высоким показателем неприличности, то есть слова, закреплённые в языке как вульгаризмы, неиспользуемые в официальных ситуациях, искусстве и СМИ, однако активно присутствующие в повседневной жизни большей части общества. Это лексемы, которые в ходе многовекового формирования культурных норм утратили право закономерно «обитать» в обществе. У славян существует зафиксированная в языке определённая группа корней слов по нормативным рекомендациям признанными непристойными, и в итоге запретными. Эти морфемы обладают чрезвычайным потенциалом образования новых лексем, которые по мере развития языка, пополняют состав матерней лексики. Чтобы воздать должное, отметим, что вопреки злой славе, в стихах обоих поэтов мы не найдём большого количества примеров матерних выражений. Имеются в виду по крайней мере те стихотворения, которые появились в печати и тем самым вошли в один из сборников, посвящённых творчеству поэтов. Небольшое количество таких выражений, в частности, зафиксировано в следующих произведениях:

Разве это когда прощается
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы
Непокорную чернь умерщвлять

(С. Есенин, Пугачёв)

Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

(В. Маяковский, Вам)

К группе, содержащей матерные слова, можно соотнести и инвективную лексику. Объединение обеих групп обосновывается тем, что обращения зачастую принимают оскорбительную окраску, что происходит посредством

соотнесения с лексемами классифицированными как матерные. В итоге, неоднократно, нецензурное выражение является как инвективой, так и матерным словом. Ср.:

Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

(С. Есенин, Сыпь, гармоника, скука...)

Теперь поори,
несбитая быта морда!

(В. Маяковский, Верлен и Сезан)

Пятая группа представляет богохульные выражения, используемые с целью оскорбления религиозных чувств. Их сходство с бранной лексикой заключается в цели употребления, т.е. в стремлении вызвать возмущение и обиду. Тема богоборчества широка и многоаспектно разработана литературоведами и критиками, тем не менее для данной статьи интерес представляют те моменты, где богохульство и ругательство становятся чуть ли не тождественными терминами. В статье *Антропологическая поэтика С. Есенина* Елена Самоделова доказывает, что существуют основания для того, чтобы богоборческие фразы ставить наряду с бранной, нецензурной лексикой:

В крестьянском сознании ругательство «чёрным словом», то есть упоминание чёрта, приравнивалось в ругани «по матушке» и являлось последним делом. (Самоделова 2008: 68).

И хотя по ходу времени диапазон кощунственных выражений, обладающих оскорбительной силой, значительно расширился, принцип их выделения остался таким же. Если измерять вульгарное слово, или высказывание степенью негодования, которое оно провоцирует, кощунственные слова бесспорно следует признать одним из разрядов бранной лексики.

Близость обоих, интересующих нас поэтов, к авангардному направлению отразилась на их творчестве, в том числе и на обилии богоборческих манифестов. Как Есенин, так и Маяковский стали авторами так называемых маленьких поэм, которые до сегодняшнего дня приводятся как пример богохульства в литературе. *Имеются* в виду утопическое стихотворение Инония Сергея Есенина, представляющее совершенно новый мир, образцом которого стал город Инония, а также *Облако в штанах* Владимира Маяковского, где лирическое «я», мня из себя тринадцатого апостола, также отвергает всё прошлое. Сравним:

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

(С. Есенин, Инония)

Мотаешь головой, кудластый?
 Супишь седую бровь?
 Ты думаешь –
 этот,
 за тобою, крыластый,
 знает, что такое любовь?

(С. Маяковский, Облако в штанах)

Ныне ж бури воловьим голосом
 Я кричу, сняв с Христа штаны:
 Мойте руки свои и волосы
 Из лоханки второй луны.

(С. Есенин, Инония)

Послушайте, господин бог!
 Как вам не скучно
 В облачный кисель
 Ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?

(С. Маяковский, Облако в штанах)

Однако, это далеко не одноразовые «выходки» поэтов – скверно-кошунственные фразы присутствуют и в других стихотворениях, в частности в *Преображении* Есенина и *За женщиной* Маяковского:

Облаки лают,
 Ревет златозубая высь...
 Пою и взываю:
 Господи, отелись!

(С. Есенин, Преображение)

Я думал — ты всесильный божище,
 А ты недоучка, крохотный божик.

(С. Маяковский, Облако в штанах)

Протянусь до незримого города,
 Млечный прокушу покров
 Даже богу я выщиплю бороду
 Оскалом моих зубов.

(С. Есенин, Инония)

Вспугнув копытом молитвы высей,
 арканом в небе поймали бога
 и, ощипавши с улыбкой крысьей,
 глумясь, тащили сквозь щель порога.

(В. Маяковский, За женщиной)

Невозможно не заметить степени сходства поэтических образов, появляющихся в стихотворениях обоих поэтов. Следует отметить не только нарочитое издевательство по отношению к Богу, но даже употребление таких же слов, создающих сходные ассоциации. Примером может послужить глагол щипать, использованный как Есениным (Инония), так и Маяковским (За женищной).

Некоторая универсальность скверных образов наблюдается во всех выше приведённых цитатах. И, хотя, нет никаких сомнений, что оба автора создали свой уникальный стиль, то те лирические моменты, где они прибегают к ругательствам обладают сходным характером. Зачастую поэтические образы в их стихотворениях строятся с помощью лексики, направленной на указание пошлости лирического объекта, цель – выявить его низменность, подлость. В связи с тем, у обоих поэтов появляются существительные, связанные с сексуальными инстинктами: «сладострастие», «похоть», «половая истома»; глаголы: «лизать», «истекать». Также в области инвективной лексики можно отметить сходства. Часто выбираемыми словами с оскорбительной окраской являются «сука», «морда», «блядь».

Эта схожесть главным образом обуславливается общими установками по отношению и к поэтическому творчеству, и к целями как футуристов, так имажинистов.

Важно и сильное индивидуальное авторское начало, в том числе чрезвычайная экспрессия, к которой оба поэта стремились в своих стихах. Как Есенину, так и Маяковскому нужен был мощный набор «крепких» выражений, благодаря которым они могли проявить свою силу по отношению к искусству слова. Рассматривая литературные достижения Есенина в имажинистский период и Маяковского в футуристический, нельзя также не учитывать их утончённое соперничество. Ругательства, наблюдаемые во всех выделяемых нами группах, так и стали некоторого вида оружием в этом поэтическом состязании.

Библиография

- Есенин С. А. (1979), *Собрание сочинений в 6-ти томах*, ред. В.Г. Базанов, Москва.
- Козловский А. А. (1986), *Быль и легенды жизни Есенина*, [в:] А. А. Козловский, С. А. Есенин в воспоминаниях современников в двух томах, т. 1, Москва, с. 5–24.
- Лекманов О. А., Свердлов М. И. (2011), *С. Есенин: Биография*, Москва.
- Маяковский В. В. (1961), *Полное собрание сочинений*, т. 13, Москва, подгот. текста и примеч. В. А. Арутчевой и др.
- Маяковский В. В. (2014), *Избранное*, Москва.
- Никитина Т. Г., Мокленко В. М. (2003), *Словарь русской брани. (Матизмы, обсценизмы, эфемизмы)*, Санкт-Петербург.

- Пачина А. Н. (2015), *Лексический аспект понятия «оскорбление»: к вопросу о средствах языкового выражения оскорбления*, [в:] ред. И. В. Пекарская, «Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: История и современность», Абакан, с. 142–145.
- Плуцер-Сарно А. Ю. (2000), *Большой словарь мата*, т. 1, Санкт-Петербург.
- Плуцер-Сарно А. Ю. (2005), *Большой словарь мата*, т. 2, Санкт-Петербург.
- Самоделова Е. А. (2007), *Антропологическая поэтика С. Есенина*, Москва.
- Шарифуллин Б. Я. (2000), *Обценная лексика: терминологические заметки*, «Речевое общение», вып. 1 (9), с. 108–111.
- Поэтика обществу вкусу. В защиту свободного искусства. Стихи. Проза. Статьи*, (1912), Д. Бурлюк, Н. Бурлюк. А. Крученых и др., Москва.

Kaja Borkowska

OBSCENE LEXIS IN SERGEY YESENIN'S AND VLADIMIR MAYAKOVSKY'S POEMS

(Summary)

The article discusses issues of using obscene vocabulary in artistic texts on the example of the lyric of S. Yesenin and V. Mayakovsky. The purpose of the analysis is to classify invective lexis taking into consideration its peculiarities such as the insulting strength, the field of description etc. It's discovered, that the high-frequency usage of expletives in both poets' lyric is caused by the necessity of greater expression. Obscene words were mostly used by Mayakovsky and Yesenin to intensify ideological message.

Keywords: obscene words, Silver Age, categorization, tabooization, invectives.

БРАННАЯ ЛЕКСИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

(Резюме)

В статье на примере лирики С. Есенина и В. Маяковского рассматриваются вопросы использования бранной лексики в художественных текстах. Целью анализа является классификация лексики с учётом её особенностей. Обнаружено, что высокочастотное использование бранной лексики в лирике поэта обусловлено необходимостью выражения экспрессии. Нецензурные слова в основном использовались Маяковским и Есениным для усиления идеологического сообщения.

Ключевые слова: бранная лексика, Серебряный век, категоризация, табуирование, инвективы.